

УДК 008:72

Константин Николаевич Гацунаев,
кандидат философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет
(129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26),
e-mail: Gatsunaev58@mail.ru

Социокультурные предпосылки возникновения феномена советского архитектурного авангарда

Автором исследуется эволюция социокультурных, организационно-технических, социально-экономических, идейно-теоретических процессов в европейской и отечественной архитектуре рубежа XIX–XX веков. Эта проблема приобрела актуальность в современных условиях в контексте идейно-теоретических дискуссий, связанных с теорией и практикой постмодернизма. Целью исследования является выявление в социокультурной динамике тех процессов, которые к началу 1920-х годов стали предпосылками формирования теоретических принципов и практических методов советского архитектурного авангарда. Основу исследования образует системный подход, объединяющий методы анализа и синтеза в рассмотрении основных характеристик и параметров архитектурно-градостроительной деятельности в изучаемый период. Логическая взаимосвязь разнообразных факторов, детерминировавших кристаллизацию принципов отечественного конструктивизма (ОСА) и рационализма (АСНОВА), к сожалению, не получила должного рассмотрения ни в контексте истории архитектуры, ни в рамках социофилософского дискурса. Условия разработки и реализации новых архитектурно-градостроительных подходов и принципов исследуются на основе текстов, опубликованных философами, социологами и практикующими архитекторами, вовлечёнными в происходящий процесс смены эстетических, социальных и технологических приоритетов. Результатом исследования стало обобщение разнородных факторов, обусловивших сущностные черты и принципы советского авангарда с учётом их разнонаправленности, а иногда и взаимоисключающего содержания. Подчёркнуто принципиально важное обстоятельство: несмотря на пафосно прокламируемую представителями авангарда необходимость разрыва культурной преемственности, отказ от традиции, сам по себе феномен архитектурного авангарда стал закономерным результатом предшествующей ему социокультурной эволюции. В статье определены основные социокультурные факторы, существенно повлиявшие не только на процесс развития советского авангарда 1920–1930-х годов, но и на дальнейшую эволюцию мировой и отечественной архитектуры.

Ключевые слова: функционализм, футуризм, конструктивизм, рационализм, город-сад, модерн

Введение. Задачей архитектуры является формирование материально-пространственного окружения человека, образующего основу его жизнедеятельности, всей совокупности отношений с социумом и природой. Поэтому проблемы архитектуры гуманистичны по своей сути. Формируя среду своего обитания, человек проектирует свою будущую жизнь на перспективу. Решение архитектурных задач детерминировано той информацией, которая заключена в окружающих формах, их художественной ценности, гармоничности и выразительности. Рационально познаваемое, объективное и рассчитываемое в формировании архитектурной среды сочетается с иррациональным, необъективным, ценностным. Целеполагание обусловлено противоречивой сложностью отношений между людьми и человеческого бытия как такового. Целеполагание, безусловно, включает в себя существенную долю риска, связанного с выбором между эмпирически не проверенными и не приведёнными в систему альтернативами.

Уровень неопределённости пропорционален динамике социального развития. Темпы развития, связанного с социальными кризисами и революциями, беспрецедентно выросли в XX столетии.

Если в исторические эпохи, отмеченные стабильностью и социальным благополучием, развитие архитектуры могло базироваться на давно сложившихся обычаях и профессиональной традиции, то в периоды кризисной неустойчивости неизбежен разрыв между миром существующим и миром желаемым, между сущим и должным. В подобных ситуациях идеал выводится из системы ценностей, альтернативно существующей.

Архитектура советского авангарда 1920–1930-х годов стала объектом глубокого всестороннего изучения в контексте междисциплинарного подхода. Историки архитектуры, философы, как впрочем и практикующие архитекторы, начиная со второй половины XX века, посвящают этой проблеме многочисленные работы. Различными аспектами

истории советского архитектурного авангарда плодотворно занимался С. О. Хан-Магомедов [19–22]. Процессы развития отечественной архитектуры 1920–1930-х годов анализируются в монографии А. В. Иконникова «Утопическое мышление и архитектура» [12]. Этот же автор подверг критическому анализу реально осуществлённые проекты, созданные ведущими мастерами советского авангарда [10; 11]. Тенденции развития столичной архитектуры 1910–1935-х годов рассматриваются в работе А. И. Комеча, А. Ю. Брновицкой, Н. Н. Брновицкой [1, с. 255–260]. Начальный этап развития советской архитектуры в его наиболее значимых памятниках стал объектом исследования Т. А. Молоковой и В. П. Фролова [15]. Постреволюционный авангард заинтересовал также зарубежных авторов. Анализу основных тенденций развития архитектуры советского авангарда и выдающимся памятникам этой эпохи посвящены серьёзные исследования [18; 26; 28]. Советскому авангарду в целом, особенно творчеству Корбюзье, посвящены работы Ж.-Л. Козна [13; 23]. Социально-философские аспекты творчества основоположника функционализма анализируются в работах А. В. Миронова [14] и Е. Васильевой [5]. Однако практически вне поля зрения исследования остаются социокультурные предпосылки, обусловившие формирование и развитие такого многогранного феномена, как советский архитектурный авангард.

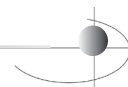
Методология и методы исследования. Нарастающая динамика социокультурных изменений уже к началу XX столетия находила адекватное отражение в развитии архитектуры и градостроения. Поскольку и религиозные, и идейно-политические концепции в наибольшей степени воздействуют на сознание и поведение людей посредством своей образной природы, то вполне объяснимо внимание к архитектурно-градостроительным проблемам даже со стороны далёких от них персонажей конца XIX – начала XX века. Мыслители-теоретики и политики-практики, литераторы и художники, монаршие особы и простолюдины оказались вовлечены в процесс обсуждения и попыток разрешения широкого круга архитектурных проблем. Это обусловлено характерным для архитектуры свойством соединять рациональное освоение мира с художественно-символическим. Особенно привлекательными для наглядного воплощения архитектурных метафор становились целостные в эстетическом и структурном отношении пространственные объекты – дом, фабрика или город как таковой.

В рассматриваемую эпоху уверенность в преобразующей силе разума, основанная на достижениях науки и техники, стимулировала подготовку и осуществление грандиозных социальных экспериментов, таких, например, как социалистическое переустройство России. Параллельно стали осуществляться и локальные эксперименты в отдельных сферах социального бытия, в том числе – в архитектуре и градостроительстве. Как глобальные, так и локальные преобразования проводились под несомненным влиянием утопических представлений, но, как отмечал Н. А. Бердяев, «...утопии оказались более осуществимыми, чем казалось раньше... И теперь стоит другой мучительный вопрос – как избежать их окончательного осуществления» [3, с. 473]. Опасения философа понятны, ведь социальные потрясения вели к гибели и ломке судеб миллионов людей. Но парадоксальным образом импульсы, исходящие от утопических в своей основе концепций, обусловили появление неожиданно ярких культурных феноменов, создание новых ценностей, зачастую за счёт разрушения ценностей, уже существующих.

Философы от Карла Поппера [17, с. 211] и до Бориса Гройса рассматривают философию утопии как политическую философию власти. Сомневаться в этической приемлемости утопической мысли в эпоху постмодернизма стало не просто традицией. Гройс квалифицировал политический режим Сталина как результат осуществления политико-эстетического проекта российского авангарда, той воли к власти, которая заявлена в его утопии [9, с. 98].

Идеальные представления об устройстве социума отражаются художественными образами или формируют конкретные способы создания материальных структур, необходимых для обеспечения человеческой жизнедеятельности. К таковым относятся инженерное конструирование, дизайн, градостроительство и архитектура. Утопические концепции в архитектуре принято подразделять на две группы. Для первой характерна проекция идеалов социальной утопии на модели пространственной организации среды. Вторая связана с отражением принципов утопического сознания и его идеологии в способе формирования произведения архитектуры. Эта группа концепций относится и к содержанию проектного замысла, и к способам его реализации.

Условия развития архитектуры и градостроительства в начале XX века определялись следующими особенностями:

– произошло стремительное увеличение численности городского населения, обусловленное в первую очередь продолжающейся индустриализацией;

– рост численности городского населения происходил главным образом за счёт социальных групп с низкими доходами. Это повлекло за собой как изменение характера городской застройки, так и самой архитектуры;

– повышение социальной мобильности с одной стороны было следствием развития систем коммуникаций, а с другой – стимулировало развитие городской инфраструктуры и её транспортной составляющей;

– возникла необходимость создания разнообразных новых типов зданий и сооружений (офисы, банки, универсальные магазины, крытые рынки и зрелищно-спортивные сооружения большой вместимости, промышленные здания, включая многоэтажные и т. д.);

– изменились условия городской жизни, что обеспечивалось быстрым развитием строительной техники. Использование конструкций из чугуна, стального проката и железобетона сделало возможным создание экономически оправданных большепролётных и высотных несущих конструкций, а также разнообразных лёгких ненесущих наружных и внутренних ограждающих. Кажущиеся чисто техническими достижения в действительности создали возможность использования принципиально новых выразительных средств, способствовавших складыванию принципиально новых архитектурных форм и образов;

– имел место пересмотр эстетических критериев, обусловивший отказ от классических архитектурных форм. Уже во второй половине XIX столетия наблюдается интенсивный поиск новых средств гармонизации композиционных построений;

– классическая симметрия приходила в противоречие с критерием утилитарности. Для новых типов зданий и сооружений требовались рациональные в функциональном смысле объёмно-планировочные решения;

– плодотворной предпосылкой возникновения архитектурного авангарда стала кратковременная эпоха модерна. Как в мировой, так и в отечественной архитектуре этого периода сложились очень важные принципы творчества. Важнейшим принципом, сложившимся в архитектурно-строительной практике, стал императив: «Форма следует функции и конструкции». Это естественное следствие реализации функционального принципа компоновки здания «изнутри – наружу», позже

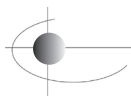
ставшего ведущей составляющей всего зодчества XX века;

– именно в модерне эволюция архитектурных форм приобрела динамичный характер (от исторических реминисценций в начальный период до почти конструктивистских решений в эпоху так называемого «рационального модерна»);

– освоенное к концу XIX века производство прокатной стали и большеразмерного стекла в сочетании с каркасной железобетонной конструкцией позволило уже в эпоху модерна вводить в композицию крупные светопроемы («лежачие окна») и по-новому формировать пространство интерьеров. Этому способствовали также новые подходы к оценке фактора прочности, в частности, к художественной интерпретации конструкций в архитектурной композиции (тектоники зданий). К началу XX века впервые в истории архитектуры благодаря научно-техническому прогрессу появились новые материалы, технологии и конструкции, имеющие колоссальный и кажущийся неисчерпаемым формобразующий потенциал.

Предшествующий авангарду период дал целый ряд очень важных идейно-теоретических концепций, касающихся социально-экономических и эстетических функций архитектуры. Так, в работах французских утопических социалистов идеи общесоциального порядка увязывались с новыми подходами к пространственной организации общества. Этьен Кабе в своей книге «Путешествие в Икарию»¹ даёт описание страны с населением в 50 млн жителей с идеально распланированными городами. Городская структура, расчленённая на стандартные кварталы, должна застраиваться стандартными зданиями из определённого набора элементов индустриального изготовления. Стандартные квартиры – это ячейки, обставленные единообразной мебелью. В целях предотвращения тотального обезличивания среды Кабе предлагал выполнять фасады домов в каждом из шестидесяти районов города в стиле, символизирующем культуру одного из народов мира. В этом подходе просматривается очевидная параллель с представлениями об архитектуре, высказанными Н. В. Гоголем [7]. Таким образом, Этьен Кабе предложил образ городской среды, предвосхитивший и во многом предопределивший градостроительные мечты Ле Корбюзье и М. Я. Гинзбурга, вынашиваемые в эпоху расцвета архитектурного авангарда. По сравнению с описанными Кабе принципами техноло-

¹ Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 658 с.

гизма, хрущёвская архитектура «эпохи индустриального домостроения» представляется образцом эстетичности и гуманности.

Важной технической предпосылкой для формирования архитектурного авангарда стали изменения, укоренившиеся в различных сферах жизни благодаря промышленной революции. Своеобразной «витриной» таких достижений стали всемирные выставки. Новейшие разработки в области строительной техники и технологии воплощались в выставочных зданиях и сооружениях. Уже первая всемирная выставка 1851 года дала архитектурный символ будущего в виде здания «Хрустального дворца». Оболочкой здания площадью 72 тыс. м² стали конструкции из металла, стекла и дерева, которые монтировались из стандартных элементов заводского изготовления. О силе впечатления, произведённого громадным и в то же время лёгким зданием из тонких чугунных стоек и прозрачных панелей, свидетельствует образ светлого будущего, данный Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?». Ставший хрестоматийным «четвёртый сон Веры Павловны» даёт эмоциональное описание архитектуры социалистического завтра: «Ты хочешь видеть, как будут жить люди? ...громадное здание ...теперь нет ни одного такого!.. Какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намёк на неё – дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло – только... это лишь оболочка здания, а там, внутри, уж настоящий дом, он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая лёгкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, а окна огромные, широкие, во всю высоту этажей! Его каменные стены – будто ряд пилястр, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею... Везде алюминий и алюминий»¹.

Новая техника воспринимается главной движущей силой истории и средством осуществления общественного идеала. Ещё одним важным фактором, стимулировавшим творческий поиск конструктивистов и рационалистов, стал нигилистический подход к прежнему, накопленному поколениями, опыту. М. А. Бакунин в статье, основанной на постулатах диалектики Гегеля, утверждал: «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно

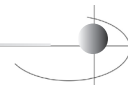
создающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» [2, с. 226].

Концепции авангарда были ориентированы на произвольно составленные идеальные модели. Несмотря на их взаимную непримиримость, видимость единства авангарду давало противостояние консервативной официальной культурной политике (академизму, историзму, эклектике и т. п.). Радикальная мысль стала стимулом для экспериментов в архитектуре. Особую роль в этом отношении сыграл ранний итальянский футуризм. Ещё в 1909 году Филиппо Томмазо Маринетти опубликовал «Учредительный манифест футуризма» с нападками на традиционализм в культуре и апологией нового индустриального бытия и жизненной динамики, связанной с техникой. Отрицание сущего обрело необычные для художественных концепций политические подтексты: «...нет красоты вне борьбы. Только произведение, полное агрессивности, может стать шедевром... Почему мы должны смотреть назад, если мы хотим взломать таинственные двери невозможного. Пространство и время умерли. Мы живём теперь в абсолютном, создав вечную, вездесущую скорость... Пусть же придут поджигатели с обожжёнными пальцами! Идите же, поджигайте полки библиотек!.. крушите безжалостно древние города!» [28, с. 21–23].

В приведённом тексте новыми были как способ соединения деструктивных идей Прудона, Бакунина с рассуждениями Анри Бергсона о всеобщей текучести и динамизме, так и новый сюжет, ставший типичным для футуризма – мегаполис как символ и коллективное выражение современного общества. Позже аналогичные мотивы присутствуют в высказываниях лидеров конструктивизма и функционализма. Так, М. Я. Гинзбург отмечал: «Нас не связывает прошлое. Мы знаем, что современный город смертельно болен, но не желаем его лечить. Наоборот, мы хотим его разрушить и заменить новыми социалистическими формами расселения людей, лишёнными внутренних противоречий, как пережитков капитализма» [Цит. по: 6, с. 172]. Аналогичным образом высказывался Ле Корбюзье относительно планов преобразования Москвы: «Нужно разрушить все существующие жилые здания... в корне уничтожить радиально-концентрический облик, сохранить помимо Кремля лишь Мавзолей, Большой театр и особняки стиля ампир» [Цит. по: 8, с. 94].

Предметом бурных дискуссий в 1920-е годы стали градостроительные мечты Эбени-

¹ Чернышевский Н. Г. Что делать? – М.: Феникс, 2002. – С. 283–284.

зера Говарда, изложенные в книге «Города – сады будущего». Льюис Мамфорд утверждал, что эта книга больше, чем любая другая, повлияла на развитие градостроительства, в первой половине XX столетия [16, с. 131]. Исходным тезисом Говарда являлась идея о прямой зависимости между структурой предметно-пространственной среды, создаваемой обществом, и характером социальных отношений. Новая среда, безусловно, должна была формировать новое общество [26, с. 131].

Одним из источников в формировании эстетических принципов советского авангарда стали теоретические положения и практические подходы, разработанные бельгийскими архитекторами Хенри ван де Велде и Виктором Орта. Последний целью своей деятельности считал создание такого стиля, который символизировал бы собой новое гармоническое общество, где искусство будет везде и для всех. Разумеется, отрицание консерватизма и антиисторизм считались аксиомами [24, с. 18]. Полный разрыв преемственных связей с предшествующими стилями и направлениями в архитектуре лежал и в основе советского авангарда.

Эволюции эстетизма в направлении геометрической чёткости и упорядоченности композиционных решений способствовали процессы, происходившие в немецкой архитектуре рубежа XIX–XX веков. Формальной дисциплиной и монументальностью отличалось творчество Петера Беренса, оказавшее заметное влияние на деятельность Корбюзье и российский авангард. Немецкого архитектора и художника привлекала концепция культуры Фридриха Ницше и идея стиля, как символа эпохи. Ницшеанская философия воплотилась в чёткой геометрии промышленных построек. Ученик Дильтея, президент правления фирмы АЭГ, Эмиль Ратенау пригласил Беренса на должность художественного директора фирмы с задачей создания корпоративного стиля, охватывающего не только выпускаемую продукцию и рекламу, но и производственные здания и сооружения. Выразительность художественной формы, её гармония с физическими свойствами материала и технологией его обработки обеспечили широчайшее распространение прототипов, созданных Беренсом как дизайнером и архитектором. Промышленность воспринималась им как воплощение «аполлонического» начала цивилизации, долженствующего разрешать также и социальные проблемы. Промышленная архитектура понималась как

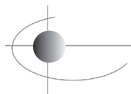
генотип универсального порядка, предписываемого индустриальным гуманизмом.

Фабрика турбин, возведённая Беренсом в Берлине, композиционно продемонстрировала столкновение двух логик формообразования. Логика искусства потребовала расщепления глухих тонких стенок, образующих углы здания декоративными швами. Создавалась имитация кладки из гигантских блоков. А выполненная из решётчатой металлической конструкции высокая кровля по торцу была обработана штукатуркой «под камень». В результате возникала художественная иллюзия размещения в верхней части здания монолита гигантских размеров. Логика техники, наоборот, требовала отказа от любой бутафории: в облике здания намеренно обнажены функциональные элементы конструкции (пролёты между стойками, металлические шарнирные рамы и т. д.). Таким образом, сочетание в одном здании иррациональной декорации и обнажённой конструкции стало основой монументальности символа, прославляющего мощь промышленного производства. Развивая принцип универсальной парадигмы промышленного здания, Беренс создаёт как собственно индустриальные постройки, так и представительные здания, подобные германскому посольству в Санкт-Петербурге на Исаакиевской площади. Колоннада посольства сведена к элементарным геометрическим очертаниям той же схемы, что и фасады промышленных зданий в Берлине.

Беренс сознательно сочетал с техникой монументальное искусство, полагая, что оно «является высшим и важнейшим отражением культуры определённой эпохи, ...находящим своё выражение в местах, глубоко чтимых и священных для народа, являющихся для него источником силы» [4, с. 136]. Таким образом, техномир соединялся с признанными архетипами монументальной архитектуры. Для советского архитектурного авангарда уподобление жилых и общественных зданий промышленным постройкам стало общепринятой нормой.

Результаты исследования и выводы.

Феномен отечественного архитектурного авангарда стал очевидным результатом длительного процесса выработки принципиально новых подходов к осуществлению архитектурно-градостроительной деятельности. Можно выделить как минимум пять важнейших предпосылок его формирования: технико-технологические, социально-экономические, организационно-технические, эстетические, идейно-политические.

Все направления отечественного авангарда в начале 1930-х годов оказались вне магистрального пути развития отечественной архитектуры. «Дворцовая» эстетика, закреплённая чередой партийно-правительственных постановлений, казалось бы, коренным образом изменила вектор эволюции архитектуры и градостроительства. Однако уже в эпоху хрущёвской «оттепели» обнаруживаются симптомы определённой «ностальгии» по советскому архитектурному авангарду. Они проявились как в попытках

создания архитектурной основы для новых социальных экспериментов (проекты жилых комплексов для молодых семей, домов «нового быта» и т. п.), так и в возрождении эстетических и конструктивных принципов (в соответствии с «пятью отправными точками» функционализма). В эпоху хай-тека и постмодернизма архитектурный авангард 1920-х годов, вопреки утверждениям его лидеров и адептов, воспринимается как одно из звеньев в длинной цепи архитектурных стилей и направлений.

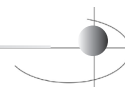
Список литературы

1. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. / А. И. Комеч [и др.]. М.: Искусство – XXI век, 2012. 356 с.
2. Бакунин М. А. Реакция в Германии // Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. 576 с.
3. Бердяев Н. А. Новое средневековье // Николай Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 1052 с.
4. Беренс П. Что такое монументальное искусство // Мастера архитектуры об архитектуре. М.: Искусство. 1972. 700 с.
5. Васильева В. Идеальное и утилитарное в системе интернационального стиля: предмет и объект в концепции дизайна XX века // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4. С. 72–80.
6. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. М.: Стройиздат, 1990. 286 с.
7. Гоголь Н. В. Об архитектуре нынешнего времени // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1984. С. 64–83.
8. Горный С. М. Планировка городов: социалистическая реконструкция Москвы. М.: Изд-во МОСХ, 1931. 172 с.
9. Гройс Борис. Gesamt-kunstwerk Сталин. М.: AdMarginem, 2013. 168 с.
10. Иконников А. В. Архитектура Москвы. XX век. М.: Моск. рабочий, 1984. 222 с.
11. Иконников А. В. Каменная летопись Москвы. М.: Моск. рабочий, 1978. 352 с.
12. Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М.: Архитектура-С, 2004. 400 с.
13. Коэн Жан-Луи. Ле Корбюзье и мистика СССР. Теории и проекты для Москвы. М.: Арт-Волхонка, 2012. 316 с.
14. Миронов А. В. Философия архитектуры: творчество Ле Корбюзье. М.: МАКС Пресс, 2012. 292 с.
15. Молокова Т. А., Фролов В. П. Памятники культуры Москвы: из прошлого в будущее. Изд. 2-е. М.: Изд-во АСВ, 2010. 168 с.
16. Мамфорд Л. От бревенчатого дома до небоскреба. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936. 172 с.
17. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М.: Культурная инициатива, 1994. 976 с.
18. Пэр Ричард, Коэн Жан-Луи, Ламберт Филлис. Потерянный авангард. Русская модернистская архитектура 1922–1932. М.: Татлин, 2007. 348 с.
19. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.
20. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2. Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.
21. Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм – концепция формообразования. М.: Стройиздат, 2003. 576 с.
22. Хан-Магомедов С. О. Творческие течения, концепции и организации советского авангарда. М.: Архитектура, 1997. 415 с.
23. Cohen Jean-Louis. Le Corbusier: la planète comme chantier. Paris: Textuel, 2005. 192 p.
24. Franco Borsi, Paolo Portoghesi. Victor Horta. Brussels: Editions Marc Vocar, 1977. 148 p.
25. Gines Garrido. Moisei Ginzburg. Escritos 1923–1930. Madrid: El Croquis editorial, 2007. 306 p.
26. Howard E. Garden-Cities of Tomorrow. Cambridge: Cambridge Mass., 1965. 177 p.
27. John W. Maerhofer. Rethinking the vanguard: aesthetic and political positions in the modernist debate, 1917–1962. Cambridge: Cambridge ScholarsPub., 2009. 215 p.
28. Marinetti F. T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909 // Futurist Manifestos / ed. U. Apollonio. London: Penguin, 1973. 189 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2018; принята к публикации 28.02.2018

Библиографическое описание статьи

Гацунаев К. Н. Социокультурные предпосылки возникновения феномена советского архитектурного авангарда // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 151–158.

Konstantin N. Gatsunaev,
 Candidate of Philosophy, Associate Professor,
 Moscow State University of Civil Engineering
 (National Research University)
 (26 Yaroslavskoe sh., Moscow, 129337, Russia),
 e-mail: Gatsunaev58@mail.ru

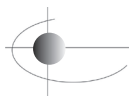
Sociocultural Prerequisites of Emergence of the Soviet Architectural Avant-Garde Phenomenon

The object of research is evolution of sociocultural, organizational and technical, social and economic, ideological and theoretical processes in the European and domestic architecture of a turn of the 19th-20th centuries. This problem has acquired relevance in modern conditions in the context of the ideological and theoretical discussions connected with the theory and practice of postmodernism. Identification in sociocultural dynamics of those processes, which by the beginning of the 1920s became prerequisites of formation of the theoretical principles and practical methods of the Soviet architectural avant-garde is the main objective of the research. The basis of the research is formed by the system approach uniting methods of the analysis and synthesis in consideration of the main characteristics and parameters of architectural and town-planning activity in the period studied. The logical interrelation of the various factors determining crystallization of the principles of domestic constructivism (OSA) and rationalism (ASNOVA), unfortunately, has not received due consideration either in the context of architecture history or within a social-philosophical discourse. Conditions of development and realization of new architectural and town-planning approaches and the principles are investigated on the basis of the texts published by the philosophers, sociologists and the practicing architects involved in the happening process of change of esthetic, social and technological priorities. Result of the research is generalization of the diverse factors that have caused intrinsic lines and the principles of the Soviet avant-garde taking into account their divergence and sometimes mutually exclusive contents. Essentially important circumstance is emphasized: despite the need of a rupture of cultural continuity pathosly proclaimed by representatives of avant-garde, refusal of tradition, the phenomenon of architectural avant-garde itself naturally resulted from the preceding sociocultural evolution. The article focuses on major sociocultural factors that significantly affected not only the process of the Soviet avant-garde of the 1920–30s formation, but also further evolution of the world and domestic architecture.

Keywords: functionalism, futurism, constructivism, rationalism, garden city, modernist style

References

1. Moscow architecture in the 1910–1935s. M: Iskusstvo – XXI vek. 2012. (In Rus.)
2. Bakunin, M. A. Reaction in Germany. The Chosen philosophical compositions and letters. M: Mysl', 1987. (In Rus.)
3. Berdyaev, N. A. New Middle Ages. Nikolay Berdyaev. Philosophy of creativity, culture and art. In 2 v. V. 1. M: Iskusstvo. 1994. (In Rus.)
4. Berens, P. What is the monumental art. Masters of architecture about architecture. M: Iskusstvo. 1972. (In Rus.)
5. Vasil'eva, V. Ideal and utilitarian in the system of international style: a subject and an object in the concept of design of the 20th century. International magazine of the cultural researches, no. 4(25), pp. 72–80, 2016. (In Rus.)
6. Vuk, Ya. Myths and utopias of architecture of the 20th century. M: Stroyizdat, 1990. (In Rus.)
7. Gogol', N. V. About architecture of the present time. Collected works. In 8 v. V. 7. M: Pravda, 1984: 64–83. (In Rus.)
8. Gornyy, S. M. Planning of the cities: socialist reconstruction of Moscow. M: Izd-vo MOSKh, 1931. (In Rus.)
9. Groys, Boris. Gesamt-kunstwerk Stalin. M: AdMarginem, 2013. (In Rus.)
10. Ikonnikov, A. V. Utopian thinking and architecture. M: Mosk. rabochiy, 2004. (In Rus.)
11. Ikonnikov, A. V. Stone chronicles of Moscow. M: Mosk. rabochiy, 1978. (In Rus.)
12. Ikonnikov, A. V. Moscow architecture. XX century. M: Arkhitektura-S, 1984. (In Rus.)
13. Koen Jan Lui. Le Corbusier and mysticism of the USSR. Theories and projects for Moscow. M: Art-Volkhonka, 2012. (In Rus.)
14. Mironov, A. V. The architecture philosophy: Le Corbusier creativity. M: MAKs Press, 2012. (In Rus.)
15. Molokova, T. A., Frolov, V. P. Monuments of Moscow Culture: from the Past to the Future. Izd. 2-e. M: Izd-vo ASV, 2010. (In Rus.)
16. Mumford L. From a log house to a skyscraper. M: Izd-vo Akademii arkhitektury, 1936. (In Rus.)
17. Popper K. Open society and its enemies. Collected works. in 2 v. V. 1. M: Kul'turnaya initsiativa, 1994. (In Rus.)
18. Per Richard, Koen Jan Lui, Lambert Fillis. The lost vanguard. Russian modernist architecture in 1922–1932. M: Tatlin, 2007. (In Rus.)
19. Han-Magomedov, S. O. Architecture of the Soviet vanguard. In 2 books. Book.1. Shaping problems. Masters and currents. M: Stroyizdat, 1996. (In Rus.)

20. Han-Magomedov, S. O. Architecture of the Soviet vanguard. Book 2. The social problems. M: Stroyizdat, 2001. (In Rus.)
21. Han-Magomedov, S. O. The Constructivism – concepts of shaping. M: Stroyizdat, 2003. (In Rus.)
22. Han-Magomedov, S. O. Creative courses, concepts and organizations of the Soviet vanguard. M: Arkhitektura, 1997. (In Rus.)
23. Cohen Jean-Louis. Le Corbusier: la planete comme chantier. Paris: Textuel, 2005. (In Engl.)
24. Franco Borsi, Paolo Portoghesi. Victor Horta. Brussels: Editions Marc Vocar, 1977. (In Engl.)
25. Gines Garrido. Moisei Ginzburg. Escritos 1923–1930. Madrid: El Croquis editorial, 2007. (In Engl.)
26. Howard E. Garden-Cities of Tomorrow. Cambridge Mass., 1965. (In Engl.)
27. John W. Maerhofer. Rethinking the vanguard: aesthetic and political positions in the modernist debate, 1917–1962. Cambridge ScholarsPub., 2009. (In Engl.)
28. Marinetti F. T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909. Futurist Manifestos (ed. U. Apollonio). London: Penguin, 1973. (In Engl.)

Received: January 15, 2018; accepted for publication February 28, 2018

Reference to the article

Gatsunaev K. N. Sociocultural Prerequisites of Emergence of the Soviet Architectural Avant-Garde Phenomenon // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 151–158.
